

ФАНТАЗИЯ НА ТЕМУ ЧЕЛОВЕКА

Расскажите, пожалуйста, о скульпторах, которые оформляли здание Республиканского русского драмтеатра.

Р. КИРЕЕВ, студент.

ВЛАДИМИР Сергеевич Лемпорт и Николай Андреевич Силис — московские скульпторы, члены Союза художников СССР. Любопытно, что их мастерская на улице Осло Дундича знакома не только тем, кто в ней бывал. Наверняка внимательные зрители, смотревшие художественный фильм «Любить человека», запомнили, как герои этой картины попадают в мастерскую двух скульпторов, и те показывают удивительнейшие работы из гипса, мрамора, дерева. В этом фильме Лемпорт и Силис сыграли самих себя.

Попав теперь в их мастерскую наяву, поражаясь уже не столько своеобразию почерка каждого из художников (это заметила еще несколь-

ко лет назад, глядя на экран), сколько разнообразию их интересов и количеству сделанного. Их мастерская — это и творческая лаборатория, где ведутся поиски нового, и место работы над вполне определенным заказом, и своеобразный музей, где хранится либо в оригинале, либо в копии, либо в наброске то, что выполнено за многие годы неустанного труда.

Между прочим, скульпторы сравнительно редко работают вместе. Они друзья, у них общая мастерская, но у каждого свой круг тем и своя манера исполнения. И лишь большие монументальные работы они выполняют вдвоем. Так было с оформлением здания Русского драматического театра в Уфе, где они сотрудничали с заслуженным архитектором Киргизской ССР Алексеем Ивановичем Печенкиным. Кстати, узнав, что в мастерской у его друзей скульпторов находится гостья из Уфы, Алексей Иванович тоже приехал, и все троем они с удовольствием вспоминали время, проведенное в Башкирии, как месяца настоящего творческого поиска, полезнейших встреч с партийными и хозяйственными руководителями республики и Уфы.

Сегодня, когда труппа уже отыграла в новом здании целый сезон, можно говорить и о том, что театр красив и удобен внутри, и о том, что здание прекрасно вписалось в площадь, центром которой является памятник В. И. Ленину. Монумент

тальный вход с вынесенными вперед пилонами создает впечатление того, что театр — как бы продолжение площади. Синтез архитектуры и скульптуры настолько гармоничный, что театр воспринимается не как отдельно стоящее здание, а в ансамбле площади. Искусство скульптора-монументалиста как раз и состоит в умении выявить замысел архитектора и подчеркнуть его.

Вот и сейчас, в мастерской, глядя на фрагменты оформления Силисом и Лемпортом шахматного клуба, что должен открыться в Ростове, улавливаю ту же подчиненность общему стилю здания. Подчиненность — не в смысле «встать на горло собственной песне», а в смысле тонкого понимания идеи. Композиция «Тройка» в виде летящих шахматных коней четырехметровой роста у входа; двухметровые фигуры из камня и зеленого туфа у стен, наверху горельеф 30-метровой протяженности из портретов чемпионов мира. Строгость мысли, полет фантазии — вот что такое шахматы.

ПОРТРЕТОМ увлекается Владимир Сергеевич. Полированный гранит, бронза, керамика, гипс — материалы различны и взяты не произвольно, а в зависимости от индивидуальности героя. Микеланджело, Данте, Синеирос, Хемингуэй, Петр I, Ландау, Эйнштейн, Пастернак, Александр Грин — в этих лицах далеко не всегда найдешь портретное сходство с оригиналом, здесь доминирует то, что художник увидел в своем герое — мудрость и сомнения поиска, бремя знаний о человечестве и любовь к человеку. Сын Нильса Бора остался недолом скульптурным изображением отца: колосс мысли — да, но ему хотелось получить портрет близкого человека с узнаваемыми чертами. Зато как смеялся над собственным обликом Назым Хикмет, узнав свою неизменную кепочку, длинный нос и усы. Монумент на Ново-Девичьем кладбище своему большому другу Хикмету тоже делали Лемпорт и Силис...

Для Николая Андреевича любимый материал — дерево, которое, по его убежде-

нию, само диктует форму будущей работы. «Ствол дерева, — считает скульптор, — это почти человек». И вот рождается «Шароголовая скульптура», «Африканские формы» и многие другие подсказанные самой природой фигуры, в которые мастер внес свою наблюдательность, свой взгляд на мир и свой интерес к человеку, ибо самое удивительное, что все работы — выполнены ли они из бука, сосны или березы, из толченой смальты и эпоксидной смолы или вообще из железа — изображают человека. Вот из крученой железной проволоки — «Старуха»: в самом деле, именно этот материал помогает олицетворить старость, нет телесной оболочки — есть кости, конструкция. Целая серия — деревянная резка светлых, будто светящихся выпуклых фигур на деревянном окладе — посвящена теме Женщины. Материнства.

Совершенно особое место занимает в творчестве Силиса образ Дон Кихота. Большая его фигура из белого гипса — рыцарь сидит (на полу, в большом зале или на траве, где-то перед библиотекой), чуть усталый после очередного боя, но не сдавшийся, готовый сражаться. Несколько гравюр о нем же. Дон Кихот в его доспехах среди современных машин, сплетения заводских труб — не лишний ли он здесь со своей готовностью брестись кому-то на помощь? Дон Кихот после очередной битвы: его доспехи (а может его самого?) чинит электросварщик. Дон Кихот в невесомости. И Дон Кихот... на Урале: горы причудливо раскинулись, словно спящая женщина, и рыцарь вспомнил свою Дульсинею...

Юмор присутствует в работах художников рядом с глубокими размышлениями о предназначении человека, о красоте и непостижимости природы, о таинстве жизни. Дерево, вырезанное в виде туго закрученной спирали, — это Силис, «Фигуристка». Его же рисунок «На Урале» — сделан в соавторстве с дождем, неожиданно размытым тушь самым причудливым образом. Три скульптурных портрета одного зна-

когого физика: веселый добродушный человек с толстыми щеками. Когда «оригинал» высказал что-то похожее на обиду, Лемпорт в третьей работе оставил одни надутые щеки. «Голова архитектора», будто выломанная из черепков: оказывается, произошла авария — голова разбилась в леги и... это дало идею составить ее из черепков.

И СНОВА совместные работы. Фрагменты

«Алеша Попович», «Добрыня» — рельеф на темы былин длиной в 64 метра, сделанный для оформления советского посольства в Афинах (архитектор Полянский); с этим же архитектором — горельеф «Танец» для лансионата «Юность». А вот пока несуществующая идея: трагические фигуры, безысходное горе, скорбь по погибшим — этот потрясавший ревквием яростно протестует против войны и смерти. Еще одна работа, в том же ключе: страшные, обломанные изваяния — памятник разрушенному городу. А рядом — теплая женская фигура, голубка младенца — рождение новой жизни. И знакомые сюжеты на темы театра — «Лирник», «Диалог», «Фигура с маской», «Комедия». Ну, конечно, это те самые «медальоны» — так называемые картуши, которые украшены на синем эмалированном карнизе Русского драматического театра в Уфе. Художники разработали 50 разных изображений, среди них — «Материнство», «Чаепитие», «Танец».

Еще раз рассматриваем наш театр на рисунке — у входа, возле 12-метровых пилонов, два красных медных светильника. Но на здании их нет...

— Будут! — обещают авторы. — Это завершающий штрих. Надеемся приехать в Уфу осенью, после окончания работы в Ростове.

Значит до встречи!

А. ДОКУЧАЕВА,
Москва — Уфа.

НА СНИМКАХ: фрагменты оформления Русского драмтеатра.

Фото В. ОСОТОВА.

ВЕЧЕРНЯЯ УФА
г. УФА